

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе¹).

24-го іюля. Утромъ былъ смотръ 12-й вьючной пулеметной команды, пришедшей изъ Россіи въ 12-й Оренбургскій казачій полкъ.

О внѣшнемъ видѣ строя говорить не стоитъ,—это казаки съ присущими имъ достоинствами и недостатками: лихіе, дѣльные, смышленные,—нерегулярные и неопрятные.

Пулеметовъ шесть, дѣлятся на 3 взвода; система датская: пулеметь-ружье, дуло на подпоркахъ, прикладъ въ плечѣ; на одномъ вьюкѣ пулеметь, 400 патроновъ, всадникъ и его хозяйство—всего 8 пудовъ; на другомъ 12 сумокъ съ 2,400 патроновъ—вѣсъ до 6—7 пудовъ.

Къ такой командѣ надо предъявить два требованія: одно—свойства кавалерійскія, другое—стрѣлковыя.

Сразу всемъ бросилось въ глаза и не укрылось, тѣмъ болѣе, отъ командующаго, что первому требованію совершенно не удовлетворяетъ отвратительная система вьюковъ: оба тяжелы; тотъ, на которомъ пулеметь, трудно уравнивается, патронный слишкомъ высокъ, оба будутъ набивать лошадей. Второе требованіе удовлетворяется тоже далеко не блестяще: пулеметь стрѣляетъ обоймами въ 25 патроновъ и является чѣмъ-то среднимъ между магазиннымъ ружьемъ и настоящимъ пулеметомъ; по заявленію офицера, во время стрѣльбы такъ велико сотрясеніе, что наводчикъ теряетъ

См. «Военный Сборникъ» 1909 г., № 5.

цѣль на мушкетъ; заклиниваніе же случается настолькоъ часто, что, во время стрѣльбы батарей, два пулемета изъ шести постоянно смолкаютъ и поправляются.

Любопытно, что офицеръ объяснилъ это явленіе засореніемъ обоймы пылью, но еще раньше этого признанія я обратилъ вниманіе, что обоймы полны песку. Мы до сихъ поръ еще не сознавали, даже и въ обращеніи съ пулеметами, что обоймы надо также чистить и смазывать, какъ и ружье.

Въ половинѣ второго состоялась первая лекція Б. Въ столовой собрались во главѣ съ командующимъ 30 офицеровъ штаба, понимающихъ языкъ. Командующій объявилъ, садясь за столъ, что М-еиг Б. будетъ говорить $\frac{3}{4}$ часа. Я вынулъ часы и положилъ на столъ. Французъ началъ съ извѣстнаго, весьма красиваго, пріема—просьбой считать его сообщеніе не лекціей, а бесѣдой, задавать вопросы, возражать, требовать поясненій и заявлять, что намъ менѣе интересно и что мы желаемъ освѣтить пошире. Затѣмъ онъ сообщилъ большую програму всѣхъ своихъ лекцій, весьма разностороннюю и любопытную, и началъ «на сегодня» говорить о *l'âme japonaise*. И надо ему отдать справедливость, что говорилъ и умно, и красиво. Онъ выяснилъ сначала, какъ основную данную характеристики японцевъ, ихъ исключительное «единство»—единство національное, историческое, религиозное и сословное; но вся эта база ему оказалась нужна только для того, чтобы построить на ней безграничный панегирикъ японской душѣ, превосходящей своею силой всякую другую душу и дающей побѣду надъ сильнымъ всякою иною силой. Для иллюстраціи онъ привелъ и примѣръ: ему случилось однажды во время войны ѣхать въ вагонѣ 3-го класса съ рабочими крестьянами. Въ разговорѣ одинъ изъ крестьянъ, взглянувъ на него, воскликнулъ: «какой видный мужчина!»

— Но вы видите сами, господа, что, по нашему представленію, такое восклицаніе по отношенію ко мнѣ нисколько не было справедливымъ... Я осмотрѣлся и увидѣлъ вокругъ себя дѣйствительно такихъ тщедушныхъ, слабыхъ и ничтожныхъ физически людей, что понималъ, что я въ ихъ глазахъ представляю дѣйствительно силой,—и задалъ вопросъ:

— Но какъ же вы, если мы европейцы такъ несравнимо сильнѣе васъ, рѣшаетесь съ нами сражаться и какъ можете побѣждать?

Тогда японецъ воскликнулъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ.

— О! Это потому, что у насъ въ груди *японская душа!!!*

Уже и весь панегирикъ, сказанный тономъ слишкомъ искренняго преклоненія передъ l'âme japonaise начиналъ насъ коробить, но «иллюстрація» переполнила чашу. Французу дали сказать еще нѣсколько фразъ и, едва онъ успѣлъ объявить, что другія восточныя души, въ томъ числѣ и китайская, стоятъ неизмѣримо ниже и не могутъ бороться съ японскою, какъ Ш. (дипломатическій чиновникъ) воспользовался даннымъ разрѣшеніемъ и коротко замѣтилъ французу, что въ этомъ вопросѣ онъ съ нимъ совершенно не сходится и поговорить подробно послѣ лекціи. Но нужно было только первое слово,—командующій тоже вошелъ въ разговоръ и назвалъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда китайскія и даже корейскія «души» били японскихъ. Б. началъ защищаться, атака пошла дружнѣе, завязался споръ, и нить потерялась. По часамъ прошло еще только 35 минутъ отъ начала лекціи, когда опоненты затихли. Былъ моментъ, когда Б. могъ бы опять приняться за пропаганду панъ-японской идеи «во станѣ русскихъ воиновъ», но командующій неожиданно всталъ, поблагодарилъ француза, и всѣ разошлись. На завтра назначена, впрочемъ, вторая лекція, еще не знаю о чемъ.

Вечеромъ почти всѣ ординарцы и Н. А. Б. отправились на именины къ комисару подполковнику Б. И. Н. Остался только дежурный, князь Э. и я. Когда ординарцы ушли, командующій приказалъ князю Э. устроить чай на дворикѣ и пригласилъ всѣхъ оставшихся, самъ обошедши наши фанзы. Собрались, кромѣ командующаго, Э. адъютантъ Г. А. З., я и три гостя—полковникъ ханъ Нахичеванскій съ полковымъ адъютантомъ Хаджи-Муратомъ и конной-артилеріи шт.-кап. Б.

Командующій просидѣлъ съ нами часа два или три, ровно до полночи, разговаривая настолько запросто, какъ могъ бы говорить съ офицерами зашедшій посидѣть въ собраніи командиръ полка. Темы разговоровъ были только военные и держались, конечно, почти исключительно около прожитой войны. Нѣкоторые отрывки разговоровъ были очень интересны, особенно рассказы командующаго о Мукденѣ, набѣгѣ на Инкоу...

Говорили и еще обо многомъ, ханъ Нахичеванскій, Хаджи-Муратъ и Б. рассказывали боевые эпизоды,—трудно все записать, но самое интересное для памяти я кажется сохранилъ въ своемъ рукописномъ «походномъ журналѣ».

25-го *юля*. День пустой. Если есть чѣмъ отмѣтить—такъ только записью, что состоялась тотчасъ послѣ завтрака вторая лекція Б., онъ говорилъ сегодня такъ же легко и красиво на тему о

сословіяхъ, эволюціяхъ и революціяхъ Японіи, которыя ввели ее въ кругъ культурныхъ народовъ. Лекція была опять панегирикомъ, но уже нѣсколько болѣе сдержаннымъ, даже съ подчеркнутыми увѣреніями въ томъ, что японцы далеко не являются чѣмъ-то непобѣдимымъ. Интереснаго было сказано мало.

Къ обѣду командующій почувствовалъ простуду и вечеромъ слегъ. Я думаю, что это отразился нашъ вчерашній вечеръ подъ открытымъ небомъ, было очень прохладно.

26-го іюля. Командующій боленъ и весь день не вставалъ съ постели. Доктора говорятъ, что простая простуда.

Б. читалъ третью лекцію о финансовомъ положеніи Японіи; я не былъ, торопясь своей работой, чтобы выгадать время и съѣздить къ А. К. Э.; но знаю со словъ Н. А. Б., что Б. предсказалъ Японіи финансовый и торговый крахъ послѣ войны, доказывая, что все ея нынѣшнее финансовое могущество построено на шаткихъ основахъ: индустрія слаба, и ввозъ хронически превышаетъ вывозъ.

Послѣ завтрака и второго реприза работы въ 2 часа я выѣхалъ верхомъ верстъ за пять на бивакъ къ А. К. Э. Тотчасъ за городомъ повстрѣчалъ Игошина.

— Здравствуй Игошинъ! Что въ ротѣ? Всѣ живы, здоровы?

— Такъ точно, в. в., только Дигминашвили убили...

— Какъ убили!?

— Такъ точно, в. в.

И Игошинъ рассказалъ мнѣ печальный конецъ моего храбреца и няньки-солдата, браваго, веселаго, лихого Дигминашвили.

Я много говорилъ о немъ въ дневникахъ. Это тотъ молодецъ, который въ атакѣ 20-го августа, подъ пулями, въ аду Сыквантунской сопки, прыгалъ передъ цѣпью, смѣялся, кричалъ, стрѣлялъ на воздухъ и ободрялъ насъ своею удалею; тотъ солдатъ, который укрывалъ меня въ бурю, когда мы спали въ грязи въ ночь на 30-е сентября, полой своей шинели; гдѣ-то ночью на работахъ, когда я весь трясся отъ холода и мучался отъ боли въ ногахъ, грѣлъ мнѣ ноги у себя на колѣняхъ; укрывалъ меня спящаго своей накидкой, раскладывалъ у палатки костеръ передъ утреннимъ подъемомъ... Человѣкъ полный самоотверженности, самопожертвованія, другъ всей роты, никогда ни съ кѣмъ не вздорившій... И вотъ что случилось.

Въ конно-охотничьей командѣ поймали лошадь, съ которой не могъ совладать ни одинъ наѣздникъ. Кто-то сказалъ начальнику команды, что въ 12-й ротѣ есть солдатъ-кавказецъ Дигминашвили,

который объѣздитъ любого коня. Позвали Дигминашвили, онъ сѣлъ и поѣхалъ. Черезъ нѣсколько дней его перевели въ конные охотники, передъ самымъ выступленіемъ въ одинъ изъ передовыхъ отрядовъ. Въ новой службѣ онъ показалъ себя такимъ же молодцомъ, какъ я его зналъ. Но тамъ же случилась и драма. Дигминашвили пропалъ еще съ однимъ солдатомъ. Прошло два дня, стали искать, и, наконецъ, ихъ обоихъ нашелъ самъ начальникъ команды. Въ какой-то деревушкѣ, куда посылали охотниковъ на фуражировку, нашли 6 убитыхъ и одного раненаго китайца, а въ гаолянѣ Дигминашвили съ перерѣзаннымъ горломъ и его сотоварища съ головой, проломанной вилами. Оба безъ ружей и безъ патроновъ.

Стали допрашивать китайцевъ, 12 человекъ арестовали, но... догадались по обстановкѣ и отвѣтамъ, что Дигминашвили и его пріятель были сами виноваты: они мародерничали, китайцы имъ только отомстили.

Такъ вотъ конецъ солдатской біографіи. Геройство, боевая честность, самопожертвованіе, состраданіе, добродушіе,—грабежъ, жестокость и убійство!

Сколько духовной силы и сколько дикости. Сколько дала природа, и какъ мало дали люди и жизнь. Не обуздали, не объѣздили коня—то служить всей силой, то бьетъ своего кормильца. Простая натура, истинная и животная, сама не могла разобраться въ условной этикѣ религіи, закона и совѣсти: убійство въ бою обязательно, на фуражировкѣ—преступно. Люди и жизнь не совладали съ дикою душою и не научили: наслаждаясь боемъ, брезгать грабежомъ. Не возвысили до разумѣнія всечеловѣчества, вопреки инстинктамъ вражды къ чужой породѣ: «въ китайцѣ нѣтъ души»—было обычнымъ убѣжденіемъ.

Я произвелъ его въ ефрейтора за 20-е августа, ему дали два георгіевскихъ креста—мы эксплуатировали и награждали его за то, чѣмъ эта сила служила нашему дѣлу. Но могли ли мы думать, что онъ же способенъ и на такое дѣло? Прямо о немъ я не думалъ. Но преступленіе его меня больше опечалило, чѣмъ удивило. Я люблю солдатъ за ту силу, которая въ нихъ такъ могуче заложена, но я знаю, что она одинаково работаетъ на добро и на зло. Въ ихъ душѣ и сердцѣ настолько больше чѣмъ у насъ, теряющихъ силы въ побѣдѣ добра надъ зломъ, высокаго, честнаго, самоотвергающаго, жертвующаго, милующаго, что забываешь, что тамъ столько же низкаго, алчнаго, хищнаго и жестокаго.

И какъ ни гадокъ мнѣ конецъ Дигминашвили, я не могу совладать со своею совѣстью и помню его только храбрымъ солдатомъ и нѣжнымъ, ласкающимъ слугой.

А. К. Э. я засталъ въ обычной обстановкѣ: около бивака деревушка съ грязнымъ дворомъ, прокопченная канами фанза съ выбитыми окнами, въ ней беспорядочное офицерское общежитіе. Онъ—такой, какъ надо: чистенькій, свѣжій, увлеченный службой, заботливый къ ретѣ, готовый къ боевому испытанію. Но жалуется на многое. Вспоминали родное и съ нимъ уже повторяли: пока жили въ полку, мы не знали его настоящей цѣны! Только выйдя въ море, знаешь и чувствуешь, какъ хороша и спокойна родная тихая пристань...

27-го іюля. Утромъ съ компаніей ординарцевъ ходили взглянуть на китайскую тюрьму. Это задворокъ въ одномъ изъ боковыхъ двориковъ усадьбы тифангуаня. Въ серединѣ самаго дворика его судилище съ навѣсомъ, съ намалеваннымъ дракономъ на задней стѣнкѣ, съ кривымъ столомъ, обтянутымъ красной матеріей, и здѣсь же сбоку его фудутунка и парадный паланкинъ; по другую сторону судилища будка для караульныхъ и въ ней три солдата—одинъ уже спитъ, двое другихъ еще возьматся надъ послѣдними трубками опія. По лѣвую сторону дворика насквозь черезъ фанзу-казарму ходъ на задворокъ. Ужасное зловоніе, какъ оказалось, было признакомъ близости китайской тюрьмы.

Стѣны четырехъ фанзъ сошлись квадратомъ; черезъ одну мы вошли, прямо глухая, налѣво и направо фанзы-тюрьмы съ окнами и дверьми только во дворъ; передъ лѣвой фанзой полоса шаговъ въ семь отдѣлена высокой деревянной рѣшеткой; за рѣшеткой толпилось человѣкъ 20 китайцевъ, одѣтыхъ только снизу до пояса, съ тяжелыми колодами на ногахъ и нѣкоторые въ желѣзныхъ цѣпяхъ и браслетахъ.

Арестанты смотрѣли безучастно. Большинство безцѣльно передвигались по клѣткѣ, входили и выходили изъ своей фанзы въ открытую дверь и этимъ напоминали еще болѣе дикихъ животныхъ въ зоологическомъ саду. И такъ же какъ тамъ, если не хуже, изъ клѣтки разило страшнымъ зловоніемъ,—тамъ нѣтъ никакихъ приспособленій, и преступники не выводятся...

По лицамъ арестанты производили впечатлѣніе гораздо болѣе типичныхъ злодѣевъ, чѣмъ обитатели нашихъ тюремъ, иногда, даже такъ подкупающіе внѣшностью. Это показываетъ, если я разо-

брался въ выраженіи лицъ, несложность характера китайскаго простолюдина: онъ цѣлень, простъ и ясно отражается на лицѣ.

По другую сторону задворка черезъ рѣшетки окна и двери было видно, какъ въ двухъ крошечныхъ полутемныхъ конуркахъ положительно копошилась масса полунагихъ арестантовъ, до того тамъ было тѣсно. Но лица здѣсь гораздо оживленнѣй и выразительнѣй,—это мелкіе преступники, отбывающіе наказаніе. Всѣ безъ оковъ, и только двое таскаютъ за собою, прикованную цѣпями къ желѣзному ошейнику и браслету на ногѣ, желѣзную же полосу въ ростъ челоуѣка и вѣсомъ около пуда.

Не скажу, чтобъ это посѣщеніе мнѣ доставило удовольствіе,—даже и любопытнаго нѣтъ ничего: гадость, грязь и первобытная жестокость и грубость.

Въ «Инвалидѣ» (9-го іюля) напечатанъ фельетонъ Лазаревича «Армія и нація», въ которомъ онъ знакомитъ насъ со статьей на эту тему генерала Негріе, и вскользь въ одномъ мѣстѣ ссылается на мое описаніе ночной тревоги подъ Ляояномъ. Меня поразило сходство моихъ взглядовъ на эту же тему объ арміи и націи, высказанныхъ отчасти здѣсь въ дневникѣ, отчасти въ моемъ «письмѣ въ полкъ»,—со взглядами француза Негріе. Явленія этой войны навели насъ обоихъ, какъ мы ни далеки другъ отъ друга, на однѣ и тѣ же мысли, и главная изъ нихъ: «Армія не можетъ воспитывать націю»—то есть «воспитаніе въ идеяхъ государства—задача школы и жизни, а не арміи».

И. А. Б. сказалъ, что главнокомандующій разрѣшилъ произвести отрядомъ Грекова усиленную рекогносцировку съ цѣлью выяснитъ переѣмны въ расположеніи японцевъ на фронтѣ.

— Вамъ придется ѣхать дней на пять... Мы завтра поговоримъ объ этомъ.

28-го іюля. Командующій поправился и вышелъ къ завтраку. Когда сѣли за столъ, ко мнѣ подошелъ Н. А. Б. и сказалъ.

— Командующій назначаетъ Васъ въ командировку. Послѣ завтрака вы получите предписаніе и пакетъ для генерала Грекова насчетъ наступленія... Только ради Бога, чтобъ ни одинъ челоуѣкъ не зналъ объ этой рекогносцировкѣ,—это полная тайна..!

Мои сосѣди за столомъ ординарцы расхотались.

— Хорошъ секретъ! Вы ѣдете къ Грекову? У него наступленіе? Когда?.. Ди вы рассказываете, мы все равно уже догадались. И вѣдь вѣрно. Въ штабѣ только тотъ не знаетъ этихъ тайнъ, кто ихъ и знать не хочетъ. Мало-мальски наблюдательный офицеръ всегда угадаетъ, что задумано, по мельчайшимъ примѣтамъ.

День я понемножку собирался и посидѣлъ надъ предыдущей тетрадью дневника, чтобы выслать для печати.

Съ собой беру только то, что войдетъ въ кобуры, совсѣмъ на легкѣ, и ординарцемъ лихого жандарма Каргина—онъ все просилъ его устроить «въ отрядъ».

Къ обѣду мнѣ вручили секретный пакетъ на имя генерала Грекова и предписаніе: «Согласно приказанія командующаго арміей, Вы назначаетесь, на время производства развѣдки къ сторонѣ непріятели отрядами подъ начальствованіемъ генералъ-маіора Грекова, въ распоряженіе начальника штаба отряда».

Уже вечеромъ, когда день затихалъ, командующій, выходя въ садъ черезъ дворикъ, узналъ меня въ сумеркахъ и крикнулъ.

— Пройдемте со мной!

Обычно эта прогулка бываетъ съ сыномъ или съ Н. А. Б.

Мы вышли въ садъ и разговаривали съ полъ-часа, прохаживаясь по средней дорожкѣ между мостикомъ и воротами. Командующій напутствовалъ меня указаніями для передачи въ отрядъ и высказалъ свой взглядъ на предстоящую рекогносцировку.

Послѣ него, какъ полагается, меня напутствовалъ Н. А. Б. и такъ рисовалъ задачу Грекова:

— До разсвѣта начать наступленіе, продвинуться впередъ на 6—7 верстъ; гдѣ удобно, оврагами и ложбинами, сдѣлать обходы и изловить посты и заставы; изучить, обыскать, обнюхать и снять на планъ все захваченное пространство, и съ наступленіемъ ночи вернуться.

Теперь уже часъ ночи, завтра въ 6 ч. я думаю трогаться въ путь. Рекогносцировка назначена 1-го августа.

Но вотъ тренировка войны: увѣряю, что, собираясь завтра ѣхать верхомъ за 40 верстъ на 5 дней для участія въ боевой рекогносцировкѣ,—я меньше волнуюсь, забочусь и собираюсь, чѣмъ бывало

въ полку, въ мирное время, когда предстояло идти хоть бы на боевую стрѣльбу на Рембертовскомъ полигонѣ.

29-го *юля*. Однако спать отвратительно. Легъ только въ 2 часа, мѣшала гроза съ сильными ударами грома, слышалъ, какъ командующій зачѣмъ то выходилъ и кричалъ своего Ивана, какъ сорвалась водопадомъ дождевая вода съ шатра надъ папертью его кумирни, и въ 6 часовъ уже всталъ. Но выѣхалъ только въ 8 часовъ: «Павель пунктаторъ» замѣшкался съ вещами, собирая ихъ въ кобуры, а конюхъ съ лошадыю.

Въ 8 часовъ мы тронулись въ путь съ Каргинымъ.

Выѣзжая изъ огорода, мы видѣли китайскія похороны. Впереди шли музыканты и размѣромъ шага играли тоскливо печальный, истинно похоронный маршъ; за ними весь въ бѣломъ шелъ муци-на съ длиннымъ древкомъ, на верхушкѣ котораго развѣвались по вѣтру длинныя ленты изъ бѣлой бумаги; и наконецъ, человекъ 20 «кули» на длинныхъ толстыхъ жердяхъ скользя и утопая по колѣно въ грязи, тащили громадный дубовый гробъ—домовину; по сторонамъ плелись родственники въ бѣломъ траурѣ, сзади ѣхала арба съ «мадамами». Процессія вышла за городъ и потянулась въ поле, чтобы поставить гдѣ нибудь домовину подъ открытымъ небомъ. Много позже, когда покойникъ истлѣетъ, надъ гробомъ насыпять курганчикъ и тѣмъ закончатъ всѣ обряды погребенія.

Мы ѣхали «перемѣнными алюрами», не совѣмъ, признаться, точными: 10 минутъ шагомъ, 5 минутъ рысью, гдѣ нибудь 10 шагомъ и 10 рысью, и прошли 40 верстъ въ 6 часовъ съ 1¹/₂ часами остановокъ.

День былъ прохладный, сѣренькій, сзади отходила гроза, налѣзали новыя тучи, сначала накрапывалъ дождикъ; верстахъ въ 6 отъ Цулюшу мы переждали хорошій дождь на посту летучей почты. Дорога была тяжела только на первыхъ 5 верстахъ—дальше было сухо, а путь такой набитый точно и не въ періодъ дождей. Сначала тянулись скучныя, выбитыя поля за позиціями, но чѣмъ дальше шли за переваломъ редутовъ и окоповъ, тѣмъ становилось лучше, зеленѣй и красивѣй. Влѣво синѣли горы первой арміи, по нашему пути открывались долины рѣкъ и ручьевъ, съ мягкими перегибами водораздѣловъ, сплошь заросшія рошицами, нивами гаоляна, уже поднявшася выше всадника, съ полями чумизы, проса и съ ароматомъ розовыхъ цвѣтовъ у воды.

По всей дорогѣ попадались биваки, передовыя позиціи, стоянки госпиталей и парковъ; гдѣ то слышались пѣсни, далеко на равнинѣ у насъ на глазахъ разразилась атака, закончившая, вѣроятно маневръ, въ одномъ мѣстѣ вдоль дороги происходила стрѣльба, и, казалось точно вслѣдъ за нами, пищали, звенѣли и шипѣли уже знакомой скверной пѣсней, излетныя пули.

Не доѣзжая Чулюшу насъ захватила гроза, и мы заѣхали на постъ летучей почты, пока снова прояснилось небо.

Этотъ постъ—одинокая сильно пострадавшая фанза въ гущѣ старыхъ деревьевъ, кустовъ и высокихъ зарослей невиданныхъ въ Россіи богатѣйшихъ травъ.

На канахъ, занимаясь кой какимъ солдатскимъ рукодѣльемъ, возлежали 5 оренбургскихъ казаковъ,—на подборъ благообразныхъ и молодеватыхъ парней. Они, какъ видно, привыкли къ гостямъ и встрѣтили меня довольно равнодушно, хоть и поднялись. Старшій предложилъ «согрѣть водицы для чайку» и пообѣщаль «отломить кусочекъ кирпичнаго»; у Каргина оказался сахаръ, и мы расположились на канѣ въ ожиданіи чаю,—лошадей завели подъ навѣсъ. Два оренбуржца шили какіе то мѣшки, двое кончали письмо старшій грѣлъ котелокъ. Разговоръ сначала не клеился, но скоро появился связующій элементъ, и наша бесѣда стала такой, что надо записать. Вошелъ солдатъ. Въ рубашкѣ, безъ пояса, лохматый, понурый, грязный; въ рукѣ небольшая зеленая дыня. Взглянувъ на меня, но быстро перескользнувъ глазами, точно не замѣтивъ офицера, онъ подошелъ къ ближайшему казаку, развязно поздоровался и протянулъ ему руку. Казакъ постѣснялся меня, «здравствуйте» сказалъ, но руку не подалъ. Солдатъ подошелъ ко второму, тоже осѣкся, усмѣхнулся и сѣлъ на моей сторонѣ. Я предоставилъ ему полную волю, чтобъ увидѣть, что будетъ дальше.

Дальше была сцена съ дыней.

Солдатъ разрѣзалъ ее на четыре части и предложилъ казаку.

— Извольте дыни.

— Не хочу.

— Чевожь вы не хотите?

— Мы не ѣдимъ.

Второй казакъ тоже отказался.

Солдатъ проборматаль.

— Никто не хочет! и начал ѣсть, но, поглодавъ одну четвертушку, сплюнулъ, обругалъ китайцевъ и швырнулъ за окно все свое угощеніе.

Взглянувъ на меня еще разъ изъ подлобья, солдатъ досталъ папироску и медлительно, точно испытывая, выдержитъ ли офицерское терпѣніе, сталъ закуривать и закурилъ, а, закуривши, вздохнулъ съ облегченіемъ, успокоился и приступилъ къ бесѣдѣ.

— Вотъ у васъ здѣсь проѣзжаетъ много всякаго народу... Можеть не слышали ли чего насчетъ замиренія?..

Одинъ изъ казаковъ, сочинявшихъ письмо, отвѣтилъ не отрываясь отъ дѣла.

— А что жь тутъ слышать? Будеть замиреніе—такъ скрывать не стануть.

Тема была слишкомъ интересна, чтобы дать ей оборваться.

— А что братцы, очень надоѣло? Солдатъ отозвался мгновенно.

— А какъ же не надоѣсть то?..

Сколько уже времени канителиться... наводились довольно, пора и кончать...

— Ждете, значить, мира?

— Понятно, что ждемъ! Да и дома ждуть,—у кого жена, у кого малыя дѣти остались. Тѣмъ хорошо, у кого дома никого не осталось...

Мнѣ, какъ офицеру, полагалось оказать сопротивленіе мирнымъ тенденціямъ; я отвѣтилъ шуткой:

— Да это правильно... А не слыхалъ ли: говорятъ у японцевъ такъ устроено, что въ солдаты берутъ только холостыхъ да бездѣтныхъ, вотъ потому они такъ и дерутся славно!

Казаки разсмѣялись; солдатъ тоже понялъ насмѣшку, помолчалъ, собрался съ силами и сдѣлалъ вылазку покрѣпче.

— Это пустое,—и у нихъ семейные,—такъ только и у нихъ не безъ бунта!..

Тоже солдаты говорятъ, что пора замиряться.

— И что же,—громко говорятъ?

— Говорятъ громко.

— Слыхатъ сюда?

Казаки опять расхохотались. Затѣмъ наступило молчаніе; мы съ Каргинымъ уже пили чай, казаки кончили письмо и ковыряли

что-то въ сѣдлахъ, солдатъ докуривалъ и вздыхалъ. Но мысль очевидно оставалась общая. Казакъ, допивавшій мѣшокъ, поднялъ голову и обратился ко мнѣ очень мягко и вѣжливо.

— А какъ вправду, в. в., извѣстно что нибудь: будетъ дальше война или нѣтъ?

Въ газетѣ что то пишутъ, въ «Вѣстникѣ Маньчжурскомъ», только намъ трудно понять.

Всѣ насторожились, ожидая отвѣта.

— Одно скажу вамъ, братцы,—вѣрно будетъ насчетъ мира только тогда, когда услышите Царское слово. Разговоры о мирѣ идутъ, послы наши съѣхались, только едвали столкнутся. А въ штабѣ нашей арміи никто о мирѣ и не думаетъ, и ждемъ, что скоро начнется война.

Казакъ сочувствовалъ.

— Мы такъ и думали, в. в., что на то, чего «онъ» хочетъ—согласиться нельзя... Значитъ и будемъ воевать, наше дѣло солдатское.

Но солдатъ думалъ иную думу и сказалъ со вздохомъ.

— А мы такъ надѣялись, что вы не везете-ли миръ.

— Ну, братъ, о томъ какой у меня миръ въ этой сумкѣ—тебѣ ужъ изъ Цюлюшу земляки напишутъ.

Казакъ такъ и прыснулъ.

— А они, в. в., стоятъ здѣсь на посту для охраненія телефона и какъ кто ѣдетъ изъ арміи—его сейчасъ засылаютъ сюда—не слышать-ли, молъ, мира? А намъ такъ кричатъ теперь ихніе солдаты: мы вамъ казакъ ноги переломаемъ, если телеграмму насчетъ мира не привезете! Вы, говорятъ, одни только драться хотите—мы ужъ давно замирились бы, еслибъ не казакъ.

Казакъ дружно хохотали, а солдатъ только отмахнулся и вышелъ.

Старшій на посту «поставилъ точку надъ і».

— Вы его, в. в., какъ серпомъ по... огрѣли; теперь, спасибо, дня три не покажется, а то просто надоѣли: только плачутъ—замиреніе, да замиреніе!

Въ 2 часа мы вѣхали въ Цюлюшу.

Городъ въ одну улицу, длиною съ версту; обычный сѣрый колоритъ, пыль, низкія фанзы, столбы съ драконами, уличная торговля, солдаты и китайцы.

По правую руку въ серединѣ города, за высокой кирпичной стѣной съ угловыми зубчатыми башнями съ бойницами,—большая импань съ громаднымъ дворомъ и красивыми фанзами.

Здѣсь штабъ передового отряда генерала Грекова.

Меня поджидали съ обѣдомъ, но теперь уже отдохали. Во дворѣ у коновязей и въ фанзахъ было сонно и тихо; такъ же сонно смотрѣлъ и дежурный у гелиографа на крышѣ фанзы, не ожидая вызова въ такое тихое время.

Въ громадной, чистой фанзѣ я нашелъ на канахъ начальника штаба отряда Н. В. Кр-го и Н. Н. А—М. Представился и вручилъ свой «секретный» пакетъ.

Скоро вошелъ начальникъ отряда,—плотный, средняго роста, сѣдой генералъ, охотничьяго стиля, сдержанный и серьезный. Я представился, Кр-й передалъ мой пакетъ. Грековъ распечаталъ, долго вдумывался и перечиталъ нѣсколько разъ. По лицу его ходили тѣни, мысль о развѣдкѣ его поглощала. Онъ слегка волновался.

— Надо, Николай Владиміровичъ, приниматься.

Я доложилъ все, что мнѣ было приказано командующимъ, чтобы ориентировать въ размѣрахъ задачи.

Кр-й сейчасъ же вскочилъ, развернули планы и начали готовить диспозицію.

Въ 6 ч. 15 м. вечера въ общихъ чертахъ все уже было намѣчено. На завтра вызваны начальники на военный совѣтъ.

Подъ вечеръ мы прошли съ милымъ Н. Н. М. по городу, потолковали о войнѣ и мирѣ, о товарищахъ по штабу, о «прелестной незнакомкѣ».

Бѣдный графъ В. А. К. уже не выдержалъ, заболѣлъ и отправленъ въ госпиталь. Докторъ боится не тифъ ли.

Часовъ въ 8 въ той же фанзѣ, гдѣ живутъ Кр-й и М., теперь и я съ ними, былъ общій (ежедневный) ужинъ всего штаба. Собралось человѣкъ 15: два командира казачьихъ полковъ—Г. и В., докторъ, офицеры собственно штаба, «для связи», гелиографный и «гости»—я и бывший Сумецъ, адъютантъ командира N-го корпуса князь М—К., штабсъ-ротмистръ, командующій «своднымъ полкомъ» изъ четырехъ конно-охотничьихъ командъ.

Столъ и весь ужинъ выглядѣлъ не такъ, какъ я почему то считалъ, что надо ждать у казаковъ. Чистая скатерть, хорошая, ровная сервировка, хорошія закуски, вино, полный порядокъ и самый

скромный, приличный и дружескій тонъ. Грековъ держался славнымъ хозяиномъ, просто и любезно со всѣми.

Я впрочемъ только ждалъ, скоро ли встануть и, едва разошлись, какъ свалился на постель въ изнеможеніи. Сорока-верстный проѣздъ—къ вечеру все-таки сказался.

Б. Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

